

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: Пекин. (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: письмо XXX, 12-й луны 13-го числа. 1840 год. 23 декабря. 21-й год царствования Дао гуана] // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 6. С. 342–359 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

П Е К И П Ъ.

XXX.

Къ родителямъ.

12-й луны 13-го числа. 1840 годъ. 23 декабря.

21-й годъ царствованія Дао гуана.

Съ предѣловъ Халхи, порубежной съ нашимъ отечествомъ страны, можно сказать, еще одноплеменной съ пустынями Сибири, населенной кочующими бурятами, однородцами монголовъ, такъ сказать, еще съ порога родного я послалъ вамъ свое первое заграничное письмо. Надѣюсь, что вы давно его получили, прочитали... и въ свободныя минуты, по слабымъ очеркамъ моего письма, дорисовывали въ своемъ воображеніи картину остальнаго моего путешествія. Но въ то время, когда я писалъ вамъ первыя строки свои, мы еще не совершили и половины своего труднаго и продолжительнаго странствованія. Предъ нашими глазами въ необозримой дали еще только начала открываться Гоби, страшная и гибельная, какъ девятый валъ на морѣ. Весь Супитскій аймакъ, по которому мы, какъ рыцари печальнаго образа, странствовали цѣлыхъ 16 дней, совершенно походять на страну, до тла опустошенную разрушительнымъ дѣйствіемъ ужаснаго урагана, который смель съ лица земли всѣ слѣды жизни и жизненности, гдѣ вы съ трудомъ должны отыскивать признаки человѣческаго существованія, гдѣ вы не найдете ни пищи для людей, ни корму для скота, ни воды для питья, кромѣ бѣдныхъ колодезевъ, слишкомъ недостаточныхъ для такого каравана, каковъ

нашъ. Песчаные холмы, поросшіе гибельною сулэ (травою очень вредною для нашихъ лошадей), изрытые дождевыми потоками, все болѣе и болѣе возрастали предъ нами и пересѣкали дорогу. На всемъ этомъ огромномъ разстояніи вы не найдете ни ключа холодной, чистой воды, ни зеленого оазиса, какъ въ Аравіи; все пространство какъ-будто дно морское, покрытое песками; напрасно глазами своими будете отыскивать гдѣ-нибудь богатой юрты. Здѣсь ни одинъ монголъ не выдетъ къ вамъ на встрѣчу съ усердною просьбою посѣтить его юрту, сдѣлать у его очага маленькій кэйеръ, — напиться кирпичнаго чаю, подкрѣпить свои силы чашкою цахэ (квашенаго молока верблюжьяго, или кобыльяго, или кумыса) и закусить урмэ — сушеными сливками или пѣнками. Монголы, скитающіеся по здѣшнимъ мѣстамъ, очень бѣдны, и вы ни за какія подарки, ни за деньги не можете достать у нихъ ничего порядочнаго. Часто случалось, что какой-нибудь бѣднякъ, еще издаലെка завидѣвъ нашъ поѣздъ, бросалъ свою юрту и, отбѣжавши отъ своего бѣднаго жилища на полверсты, у насъ же просилъ боба и айраку — хлѣба и вина. Но не смотря на трудность нашего путешествія, на дикость и безплодіе природы, окружавшей насъ, мы до сихъ поръ впередъ подвигались довольно благополучно; намъ уже оставалось по Сунитскому округу не болѣе трехъ переѣздовъ, за которыми должны были начаться Цахарскія владѣнія, гдѣ насъ ожидали всѣ приволья кочевой жизни. Довольные тѣмъ, что такъ спокойно, въ сравненіи съ прежними миссіями, прошли Гоби, мы начинали уже посмѣиваться и надъ тѣми, которые писали объ ужасныхъ, зыбучихъ пескахъ, и надъ тѣми, которые читали и вѣрили ихъ рассказамъ. Я помню, какъ на станціи Цахилданъ, развалившись на войлокахъ вокругъ самовара, мы торжественно спрашивали монгола: „гдѣ же Гоби? гдѣ пески?“ „Здѣсь“, сказалъ онъ равнодушно, „завтра увидите ихъ“, и вышелъ вонъ изъ юрты. Его торжественный тонъ заставилъ насъ призадуматься. Если уже монголъ, для котораго, на его лихомъ бѣгунцѣ, не существуетъ никакихъ преградъ, приписывалъ какую-то важность пескамъ, то это навѣрно значило, что дѣло здѣсь не шуточное. Въ одинъ мигъ таборъ нашъ принялъ видъ лагеря, готовящагося къ оборонѣ. Назначенъ былъ день

для отдыха; тяжести всѣ были уравновѣшены и разложены; всѣ повозки облегчены; верблюды всѣ навьючены; двое были отправлены для освидѣтельствованія дороги; казаки запаслись провизіею на два и на три дня; однимъ словомъ, мы все сдѣлали для облегченія и для обезопасенія нашего пути. Наши посланные, отправленные раннимъ утромъ, воротились уже позднимъ вечеромъ. Ихъ вѣсти были безотрадны; но самое дѣло, которое предстояло намъ, превзошло и всѣ рассказы и всѣ ожиданія наши. Съ первымъ появленіемъ зари, — въ 12 часовъ ночи, нашъ обозъ отправился въ путь; вскорѣ за нимъ потянулись и мы, всѣ на добрыхъ верховыхъ лошадяхъ. Не проѣхали и версты, какъ на самомъ опытѣ узнали мы справедливость словъ монгола. Переѣздъ отъ Шарабудургуна до Дурмы — но болѣе и едва-ли еще не менѣе 20 верстъ; но между тѣмъ онъ ужасенъ, потому что здѣсь отъ востока къ западу проходитъ та страшная полоса песку, которую китайцы такъ выразительно и такъ справедливо называли Шамо, или песчаное море. На всемъ этомъ пространствѣ въ различныхъ, можно сказать, во всевозможныхъ направленіяхъ, безъ всякаго порядка, лежатъ цѣлыя горы песку, которыя отъ вѣтра постоянно измѣняютъ свою форму, величину и даже мѣсто. Поднявшись на одну изъ этихъ зыбучихъ насыпей, которыя возвышаются, какъ могильные курганы надъ мертвою природою, вы ни впереди, ни взади, ни вокругъ себя ничего не увидите, кромѣ горъ песку, сливающихся съ горизонтомъ, такъ что не замѣтите ни начала, ни конца, ни направленія ихъ. Спустившись, или правильнѣе, слетѣвши внизъ, вы очутитесь въ какомъ то ужасномъ логовищѣ, во рву, въ какомъ-то страшномъ котлѣ, который боковыми стѣнами своими, какъ удавъ кольцами, стѣсняетъ васъ со всѣхъ сторонъ; вамъ нѣтъ выхода; вы должны влѣзть какъ на стѣну и вязнуть въ песокъ. Къ довершенію вашего бѣдственнаго положенія въ этой ужасной безднѣ надъ вами одно безоблачное небо; солнышко жжетъ васъ, какъ раскаленный уголь; ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ; зной отъ песка, какъ отъ разгоряченной печи; подъ погами вашими одинъ горячій песокъ; ни одной травинки для вашей лошади; ни одной капли воды для утоленія несносной вашей жажды. Едва вы взберетесь на верхъ, едва только

усиѣете дохнуть свѣжимъ воздухомъ, какъ вы снова должны спускаться въ новую бездну, опять подыматься и снова опускаться, такъ что, если-бы вы не знали, что это ужасное мѣсто простирается только верстѣ на двадцать, то вы совершенно потеряли бы всякую надежду когда-нибудь выйти изъ этого страшнаго мѣста. Однимъ словомъ, безъ всякаго преувеличенія, но буквально, вы находитесь на морѣ во время бури, гдѣ совершенно теряетесь въ волнахъ, гдѣ вы постоянно то поднимаетесь къ небесамъ, то падаете въ ужасную бездну. Никакого слѣда, никакой тропинки не увидите предъ собою; только хорошій проводникъ вашъ спаситель, — безъ него вы никогда бы не вышли изъ этого лабиринта, который имѣетъ тысячи измѣненій. Еще величайшее благодѣяніе, что здѣшній песокъ довольно крупенъ и потому тяжелъ и не можетъ вдругъ цѣлыми массами переноситься съ одного мѣста на другое: въ противномъ случаѣ, при малѣйшемъ вѣтрѣ, не было бы никакого спасенія; не смотря на то онъ постепенно можетъ перемѣнять свое мѣсто. Сравнивая рассказы старыхъ миссіонеровъ съ нашими и судя по словамъ самыхъ монголовъ тѣхъ мѣсть, въ послѣдніе годы въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы должны были переѣзжать Шамо, песокъ значительно увеличился; причиною тому было то, что въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не было дождей и слѣдовъ никакой растительности, и что вѣтры постоянно дули по этому направленію. Съ другой стороны та невыгода, что здѣшній песокъ чрезвычайно зыбучъ, такъ что колеса нашихъ легкихъ арбъ совершенно тонули въ немъ. Верховые лошади вязли до колѣнъ. Вообще, какъ намъ тяжекъ былъ этотъ переѣздъ вы можете судить изъ того, что обозъ нашъ, отправившись со станціи въ первомъ часу по полуночи, пришелъ въ Дурму уже на другой день вечеромъ, не смотря на то, что шель почти день и ночь, что лошади были нѣсколько разъ перемѣняемы свѣжими, что большая часть тяжести была сложена на верблюдовъ, которые, въ видѣ сикурса къ разбитой арміи, нѣсколько разъ возвращались къ обозу на помощь, такъ что подъ конецъ лошади дотащились на станцію едва не съ пустыми телѣгами. Безъ верблюдовъ, неощенныхъ животныхъ въ такой пустынѣ, мы и въ тече-

ніе цѣлой педѣли не совершили бы своего путешествія. Цѣлыхъ четыре дня мы пробыли на Дурмѣ и потомъ, уже собравшись съ силами, снова пустились въ путь. По ужасныя трудности, которыя мы претерпѣли въ продолженіе послѣдняго періода, были, такъ сказать, кризисомъ нашего странствованія. Чѣмъ далѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ болѣе и болѣе оживлялась предъ нами природа, а сладкая надежда—скоро увидѣть берегъ послѣ такого продолжительнаго странствованія еще болѣе облегчала и укорачивала нашъ путь. Снова предъ нами раскрылась богатая зелень съ живыми потоками самой чистой и пріятной воды; на роскошныхъ пажитяхъ вездѣ паслись огромныя стада Богдыханскихъ коней и барановъ; вездѣ бѣлѣли юрты и на каждой станціи на первые и весьма важные для насъ вопросы: „саинь усу байна?“ „Еу байна?“—есть хорошая вода? молоко?—мы всегда получали самый желанный отвѣтъ. Но все по прежнему была предъ нами одна безграничная степь; нигдѣ не завидите ни одного кустика, ни какого-нибудь родного деревца, ни одной горы, которая бы, хоть немного, оживила этотъ слишкомъ однообразный и утомительный видъ. Не повѣрите, какъ наконецъ для насъ, привыкшихъ вокругъ себя видѣть роци и лѣса, сдѣлалась скучною и печальною эта пустыня. Часто мы переносились мыслию въ мѣста до-Ургинскія, гдѣ горы смѣнялись роскошными долинами, а долины—величественными и дикими горами. По воображеніе, какъ бы ни пламенно было, своими даже самыми блистательными произведеніями, никогда не замѣнить дѣйствительности; каждый шагъ, каждый взглядъ разрушалъ наши мечты,—и мы невольно должны были чувствовать тоску и уныніе.

Не смотря на то нашъ переѣздъ по Цахарскому округу показался для насъ не слишкомъ продолжительнымъ и мы скоро явились въ Цаганъ Болгасу, гдѣ должны были оставить всѣ вещи, нужныя для обратнаго отправления миссіи, и половину казаковъ. Здѣсь мы должны были проститься съ Монголією, по которой мы странствовали цѣлыхъ два мѣсяца, съ которой мы такъ уже свыклись, что, не смотря на утомительную ѣзду по степи, на сильное желаніе поскорѣе отдохнуть отъ всѣхъ дорожныхъ безпокойствъ и тревогъ въ Пекинѣ, намъ жалко было разстаться съ этой

еще дикою странною, которая ярко во многихъ мѣстахъ поражаетъ всякаго патріархальною своею жизнію. Намъ жалко было покинуть и дымныя юрты, гдѣ, въ минуты отдохновенія, собравшись въ кружокъ, мы сладко мечтали подъ говоръ клокочущаго самовара и безмятежно изъ міра мечтаній и воспоминаній переходили въ міръ видѣній и сна, или, любуясь яркимъ пламенемъ, разведеннымъ по срединѣ нашего подвижнаго жилища, съ трубкою въ зубахъ, мы сидѣли, поджавши ножки, и слушали напѣвы монголовъ, объѣзжающихъ дозоромъ вокругъ нашего лагеря, и вмѣстѣ съ звуками ихъ пѣсенъ, улетавшими и исчезающими въ воздухъ, улетали и наши мысли далеко, далеко, въ край родной.

Пѣсня монгольская уныло и томно несется по безконечнымъ равнинамъ, и только изрѣдка горное эхо повторитъ печальный напѣвъ бѣднаго рыцаря пустыни. Проста пѣсня монгола, какъ жизнь, какъ природа его; онъ поетъ о семейной своей жизни, о кочевьѣ, о конѣ—своемъ товарищѣ и другѣ, о стадахъ—своемъ единственномъ богатствѣ; но иногда въ немъ вспыхиваютъ воспоминанія о минувшихъ временахъ славы и могущества, и въ его пѣсни вы услышите священное и завѣтное для него имя Чингисъ-Хана, который до сихъ поръ живетъ въ ихъ памяти, какъ герой и исполинъ-богатырь, которому все должно было покориться. Напѣвъ монгола вообще дикъ и томень; въ первый разъ онъ рѣзко дѣйствуетъ на вашъ слухъ, но мало-по-малу вы привыкаете къ его дикости, вашъ слухъ сродняется съ этими новыми и странными звуками и вы находите въ нихъ новую гармонію, какой до сихъ поръ еще не испытывали,—гармонію свѣжую, безъ всякихъ лишнихъ прикрасъ утонченнаго и изнѣженнаго европейскаго вкуса;—сильную, которая прямо вылилась изъ сердца и трогаетъ сердце. Обыкновенно онъ затягиваетъ свою пѣсню съ довольно низкихъ или, по крайней мѣрѣ, среднихъ нотъ, и потомъ постепенно звуки его возвышаются, утончаются и какъ бы замираютъ въ самыхъ высокихъ перебивахъ; но вдругъ, какъ оживленный какою-то новою силою, голосъ его получаетъ твердость, какъ бы вырывается на свободу, и наконецъ переходитъ въ самые низшіе и сильные звуки которые покрываютъ все его пѣніе. Если изъ пѣсенъ, этихъ

невольныхъ пороженій нашего духа, пораженнаго впу-
 ренными или внѣшними явленіями, этихъ вѣрныхъ отго-
 лосковъ нашего духовнаго и гражданскаго быта, и если
 изъ самыхъ напѣвовъ, также невольныхъ внѣшнихъ вы-
 раженій собственнаго нашего чувства, можно судить о жизни
 того, изъ чьихъ устъ они выливаются, и дѣлать догадки
 и заключенія касательно его духовнаго развитія и его
 исторіи: то въ пѣсняхъ монгольскихъ вы можете читать
 исторію кочеваго народа, испытываго на себѣ множество
 бѣдственныхъ обстоятельствъ, которыя тяжело упали на ра-
 мена его, которыя привели духъ въ безотрадное уныніе,
 отразившееся даже и въ самыхъ напѣвахъ, въ которыхъ
 дышетъ грусть и скорбь, сильно трогающія всякаго. Не
 забыть мнѣ, какъ въ одинъ вечеръ, въ нашей юртѣ (это
 было недалеко отъ Урга, гдѣ и теперь еще много потом-
 ковъ Чингисъ-Хана), пѣлъ молодой монголь о славѣ сво-
 его народа во времена Чингиса. Въ каждомъ звукѣ его,
 кажется, вырывалась мысль, что они теперь уже не то,
 чѣмъ были въ тѣ дивныя времена, что они теперь жалкіе
 страдальцы, подавленные чужимъ игомъ, безъ надежды
 своего возстанія. Глаза его горѣли одушевленіемъ; но намъ
 казалось, что изъ нихъ слезы готовы были брызнуть рѣ-
 кою. Мы не понимали его словъ, но тотчасъ догадались о
 чувствѣ, одушевлявшемъ его, и сочувствовали ему. ... Въ
 теченіе двухъ мѣсяцевъ пѣсни монгольскія составляли мое
 единственное удовольствіе... Въ Пекинѣ Монгольское под-
 ворье, гдѣ осганавливаются они пріѣзжая предъ Новымъ
 годомъ, стоитъ рядомъ съ нашимъ подворьемъ. ..

Можетъ быть вамъ уже надоѣли мои рассказы о Мон-
 голіи и моемъ странствованіи по пустынѣ; но для меня
 пріятно вспомнить о томъ, что такъ недавно еще со мною
 было и что уже не ранѣе десяти лѣтъ повторится со мною,
 и я прошу у васъ позволенія рассказать Вамъ еще одинъ
 случай, сильно тронувшій меня, именно — это встрѣчу съ
 Хубилчаномъ. Это было на Олонъ Худукѣ. Переѣздъ былъ
 очень продолжителенъ и потому очень утомилъ насъ. Долго
 я ѣхалъ на своемъ конѣ и ничего отраднаго не открыва-
 лось предъ моими глазами. Предо мною во всѣ стороны
 виднѣлась одна степь, безконечная, какъ десять лѣтъ Пе-
 кинской жизни. угрюмая и мрачная, какъ жизнь изгнан-

ника изъ отчизны; на небѣ были облака; въ головѣ моей — тревожныя думы; изрѣдка падалъ дождь, какъ слезы мои, еще не высохшія послѣ прощанія съ родиною; конь мой мчалъ меня, какъ судьба мчитъ каждаго человѣка противъ его воли и желаній. Однимъ словомъ, это была одна изъ самыхъ скучныхъ и утомительныхъ станцій. Нѣсколько разъ я привставалъ на стремена и смотрѣлъ, не бѣлѣютъ ли гдѣ нибудь наши юрты и—все напрасно! Вдругъ, поднявшись на одинъ уваль, я увидѣлъ площадку и на ней, совершенно неожиданно для меня, красовалась богатая кумирня самой вычурной и фантастической тибетской архитектуры, и вокругъ нея нѣсколько юртъ. Обрадованный такимъ нечаяннымъ появленіемъ жизни человѣческой въ этой мертвой пустынѣ, я съ однимъ изъ товарищей полетѣлъ прямо на кочевье, и въ двѣ минуты мы уже очутились въ Буддѣйскомъ храмѣ. Осмотрѣвши кумирню, мы, по просьбѣ Ламъ, пошли въ одну богатую юрту выпить кирпичнаго чаю. Открываемъ войлочную дверь и предъ нами вдругъ является необыкновенное зрѣлище. Противъ самаго входа, на какомъ-то сѣдалищѣ, сдѣланномъ въ видѣ трона и обставленномъ странными аллегорическими атрибутами, сидѣло, поджавши ноги, небольшое человѣческое существо, въ богатомъ, кажется, бархатномъ платьѣ, въ шапкѣ, сдѣланной въ видѣ короны и нѣсколько похожей на папскую тиару; предъ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ курились свѣчки благоухающія и который походилъ на маленькій жертвенникъ, какой бываетъ предъ Бурханами; въ его рукахъ была большая книга, которую онъ клалъ на голову приходившимъ къ нему на поклоненіе; и это возложеніе книги и рукъ замѣняло благословеніе; далѣе въ почтительномъ отдаленіи отъ него, по обѣимъ сторонамъ, сидѣло нѣсколько Ламъ, поджавши подъ себя одну только ногу, что считается знакомъ присутствія высшаго какого нибудь лица, при которомъ низшіе не могутъ сидѣть обыкновеннымъ образомъ; по срединѣ стояло нѣсколько человѣкъ, которые, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, подходили къ этому странному существу, занимавшему высшее мѣсто, и съ благовѣніемъ ожидали, когда оно удостоитъ прикоснуться къ набожнымъ ихъ лбамъ священною книгою, и потомъ удалялись на прежнее мѣсто; Ламы всѣ были въ

красныхъ платьяхъ съ перевязью, перекинутою чрезъ плечо, или лучше сказать, съ тогою, которую они надѣваютъ при совершеніи священнослуженія; въ бокахъ юрты стояли бубны, трубы и другіе музыкальные инструменты, употребляемые Ламами, когда они читаютъ *дзины* — священныя книги и совершаютъ какое-нибудь молебствіе. Вы сами себѣ можете представить, какъ эта картина должна была поразить меня, еще вовсе незнакомаго съ буддѣйскими понятіями и вѣрованіемъ. Едва только мы взошли въ юрту, всѣ Ламы встали и приглашали насъ садиться подлѣ жвага Бурхана, который одинъ остался неподвижнымъ, и только ласково проговорилъ намъ „аморъ менду“, и велѣлъ намъ подать чаю: и тогда-то мы могли разглядѣть и узнать, что это за лицо. Уже простой взглядъ на всю эту картину показывалъ, что этотъ маленькій человекъ въ глазахъ Монголовъ былъ не простой человекъ, но что-то высшее; а изъ словъ Ламъ мы тотчасъ узнали, что это былъ *Хубилчанъ*, — *Бурханъ Лама*, человекъ, которому заживо отдаются почести, предписываемыя религіею одному божеству и людямъ, достигшимъ самой высшей святости и прославленія. По основной идеѣ буддизма, тѣсно связанной съ ученіемъ метаморфоза, не одно только высшее божество принимаетъ на себя тѣлесныя формы и подъ видомъ живыхъ существъ нисходитъ въ видимый міръ для возстановленія нравственнаго порядка, который нарушенъ отпаденіемъ злыхъ духовъ и потомъ грѣхами людей, но и люди, въ продолженіе земной своей жизни, посредствомъ аскетической и созерцательной жизни, возвысившіеся до совершеннаго безстрастія, до уничтоженія всякаго я, — до состоянія Будды. Эти совершенные люди снова принимаютъ человѣческій образъ и своею земною жизнію, своими чудесами и благодѣяніями стараются привлечь падшихъ и слабыхъ къ истинѣ и святости. Въ священныхъ Ламскихъ книгахъ описаны всѣ признаки, по которымъ можно находить младенцевъ, въ которыхъ душа Хубилчана, по разрушеніи своего тѣла, переселяется. Нашедши новый субъектъ святости, они нѣсколько времени воспитываютъ его и потомъ уже торжественно провозглашаютъ перерожденцемъ — *Хубилчаномъ*, и тогда воздаютъ ему уваженіе, приличное только существу безгрѣшному и святому, и совершаютъ предъ нимъ

такое-же служеніе, какъ и предъ кумиромъ божества. Вообразите же себѣ наше удивленіе: этотъ Хубилчанъ, предъ которымъ мы теперь были и предъ которымъ все, окружающее его, благоговѣло и тренетало, былъ малютка, ребенокъ, — осми лѣтъ, прекрасной монгольской наружности, съ фізіономіею самую счастливою и выразительною, съ глазами самыми живыми, въ которыхъ обнаруживалась ранняя смышленность, — не по лѣтамъ. Если, съ одной стороны, странно видѣть благоговѣніе взрослыхъ предъ мальчикомъ, ничего еще не разумѣющимъ, смиреніе Ламъ, изъ которыхъ, вѣроятно, мпогіе сами отыскивали и создали Хубилчана и очень хорошо понимаютъ вещи такого рода: то, съ другой стороны, не менѣе странно было видѣть въ этомъ ребенкѣ како-то сознаніе своей высокой роли, которое, усилившись въ немъ съ возрастомъ, можетъ сообщить необыкновенную силу всѣмъ его поступкамъ, и такимъ образомъ сдѣлать всемогущимъ его вліяніе на чернь, заключающую обо всемъ по одной наружности, и ту отчетливость и умѣнье, съ какимъ онъ умѣлъ выдержать приличный ему характеръ. Въ продолженіи полчаса онъ такъ прекрасно управлялъ собою, что вменно возбуждалъ къ себѣ какое-то удивленіе. Приѣхавши на станцію, мы, цѣлою миссіею, снова отправились къ нему, но и тогда, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, только разъ удалось намъ сбить его съ посту и показать себя ребенкомъ. Какъ сильна, значить, воля въ этомъ, еще неразвившемся, существѣ! Чего отъ него нужно ожидать въ будущемъ? Мудрено ли, что такой человекъ, одаренный сильнымъ характеромъ, при помощи пламеннаго воображенія, подкрѣпляемый, сверхъ того, мочтательными началами буддизма, дѣйствительно дойдетъ до такой увѣренности въ своемъ божественномъ назначеніи? Кто сокрушитъ его самомечтательность? Какой монголъ въ состояніи противиться его фанатизму? Съ другой стороны, какъ хитро дѣйствуютъ Ламы, когда они умѣютъ даже осмилѣтняго ребенка заставить выполнять такую трудную роль, подавить въ немъ чувство человѣческой слабости, увѣрить его на всю жизнь въ его высокомъ назначеніи. Но бываютъ случаи, что природа беретъ свое и что никакія оболщенія, хитрости и усилія не могутъ остановить въ человекѣ, избранномъ для облегченія другихъ, и своего

надлежащаго развитія духовной жизни. Какое же дело но быть положеніе того несчастливца, который своимъ разумомъ разрѣшить всѣ вымыслы воображенія, всѣ обольщенія сердца, разгадаетъ всѣ продѣлки Ламъ, сокрушитъ все прежнее свое вѣрованіе, который въ истинномъ свѣтѣ увидитъ свое назначеніе, всю нелѣпость роли, на него возложенной, возненавидитъ мишурное свое величіе и обряды и церемоніи, которыми онъ, какъ путами, связанъ на всю свою жизнь, которые отторгаютъ отъ всего человѣческаго, къ чему влечетъ его собственное чувство, — который, однимъ словомъ, увидитъ себя одною жалкою игрушкою коварныхъ людей, и между тѣмъ такъ опутаннымъ сѣтью, что никогда не можетъ разорвать своихъ оковъ, что противъ воли долженъ нести несносное иго? Кто подастъ ему помощь въ ужасной борьбѣ?.. Покойный Пекинскій Кутухта, начальникъ и глава всего, собственно китайскаго, буддійскаго духовенства, „живой Богъ“, былъ въ подобномъ состояніи. Онъ вполне понималъ, какую роль онъ играетъ, какъ любилъ онъ христіанство и какъ презиралъ обряды и церемоніи, которые онъ обязанъ былъ сохранять предъ толпою. Для него былъ праздникъ, когда пріѣзжали къ нему наши миссіонеры, и онъ всегда умолялъ ихъ, при наступленіи Пасхи, извѣщать его о началѣ богослуженія, и самъ присутствовалъ за обѣдней; если-бы не внѣшнія условія, связывавшія его по рукамъ и ногамъ, то онъ весьма часто посѣщалъ бы наше подворье. Въ чтеніи нашихъ религіозныхъ книгъ онъ находилъ великое утѣшеніе для своей болящей души. Можетъ быть и для этого малютки, котораго умная и добрая фізіономія ручалась за доброту души, настанетъ такая ужасная борьба и онъ, оставленный одному самому себѣ, безсильный своимъ стремленіямъ дать другое высшее направленіе, дойдетъ до самаго жалкаго положенія. Грустно было мнѣ глядѣть на эту жертву обмана и хитрости другихъ.

Прощаясь съ Хубилчаномъ, я въ душѣ своей отъ всего сердца пожелалъ ему лучшей будущности; и во все странствованіе по Монголіи, едва я только завижу вдали какую нибудь кумирню, мнѣ всегда мечталось, что, можетъ быть и тамъ скрывается подобный какой нибудь жалкій мученикъ заблужденій и страстей людскихъ, и мнѣ всегда при-

ходить на память малютка Хубилчанъ. И вотъ настало время проститься и съ монгольскими кумирнями, вѣрными свидѣтельствами, что и въ непросвѣщенной душѣ глубоко чувство религиозное, которое не умерло и въ мертвой пустынѣ, но, какъ-бы наперекоръ природѣ, здѣсь еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели въ странахъ, благословенныхъ всѣми дарами неба;—и съ монгольскими Ламами, которые были единственными жителями этой дикой степи и своею уединенною и подвижническою жизнію нѣсколько напоминали Оивайдскихъ отшельниковъ. Настало время проститься мнѣ и съ лихимъ наѣздничествомъ, которое наконецъ сроднилось съ моею душою и доставило мнѣ не одну минуту развлеченія. Съ какимъ удовольствіемъ, бывало, версть за шесть до станціи мы всѣ, прищпоривъ своихъ коней, по гладкой поверхности, во весь опоръ несемъ до своихъ юртъ. При одномъ воспоминаніи объ этомъ такъ и хочется летѣть, еще разъ вихремъ, молніей пронесся бы по степи, еще разъ взглянулъ бы на русскую землю, облобызаль ее и опять заключился бы въ своемъ Пекинѣ! Сладкимъ, непробуднымъ сномъ я заснулъ въ послѣдній разъ въ юртѣ, и на другой день утромъ, вырѣзавши на стѣнкахъ юрты свое имя, взглянувши еще разъ на степь, оставшуюся за мною, я отправился въ путь къ Дай-цанскому государству, и въ полдень былъ уже на границѣ собственно Китая, у подошвы великой стѣны, о которой намъ твердили еще съ малолѣтства.

Болѣе половины станціи мы ѣхали все по ровной плоскости, которая вдругъ окапчивается необыкновеннымъ обваломъ. Предъ вами вдругъ открывается какъ будто пропасть какая нибудь, и эта пропасть вся наполнена горами значительной высоты, но которыя стоятъ въ такомъ низменномъ мѣстѣ, что ихъ пики представляются въ уровень съ Гобійскою плоскостью. Удивительно величественная, я думаю, единственная картина представляется съ амфитеатра Монголіи! Предъ вами, или лучше сказать, подъ вашими ногами открывается новая страна, вся наполненная горами, которыхъ пики представляются вамъ точно въ такомъ видѣ, какъ кровли домовъ большого города съ какой-нибудь высокой колокольни,—храма, которыя получаютъ отъ отраженія лучей различные цвѣта: зеленый, бурый, синій, желто-

ватый, которыя необыкновенно разнообразны по своей фигурѣ: то низкообразныя, то холмистыя, то какъ скалы возвышаются одна надъ другою и кажутся висящими въ воздухѣ, и которыя такъ между собою связаны, что вы между ними не найдете ни одной лощины и вамъ спускаться нужно по тѣсному, извилистому, загроможденному камнями ущелію, тянущемуся на разстояніи двадцати верстъ, и потомъ снова подниматься на горы и спускаться. Къ довершенію этой картины, вообразите себѣ, что по этимъ пикамъ, куда, кажется, только воронъ можетъ занести кости свои, бѣлымъ поясомъ протянулась *великая стѣна*, не прерываясь ни горами, ни пропастями, ни потоками. Однимъ словомъ Китай вамъ представляется нашимъ сказочнымъ конемъ, который запертъ 99-ю дверями и 99-ю замками. Этотъ обвалъ со стороны Монголіи и горы со стороны Китая составляютъ естественныя неразрушимыя границы между двумя, вѣчно спорящими, странами. Если бы эти удивительныя мѣста были въ рукахъ европейцевъ, то Китай со стороны Монголіи былъ бы неприступенъ. Кажется, одинъ видъ такой страны могъ бы поколебать самаго отважнаго полководца. Такъ, сама природа оградила Китай и въ некоторомъ образѣ способствовала ему въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ укрываться отъ набѣговъ хищныхъ или любопытныхъ народовъ. Сами можете понять, какое чувство, при видѣ такой дивной картины, должно было овладѣть нами послѣ скучнаго страствованія по пустынямъ Монголіи, гдѣ все дышетъ уныніемъ и однообразіемъ. Но это было только начало изумленія. Не успѣли мы сдѣлать десяти верстъ, какъ уже почувствовали разительную перемѣву въ атмосферѣ. Въ Монголіи, когда мы еще были на Дурмѣ, уже выпадалъ снѣгъ; правда онъ былъ минутнымъ гостемъ, не смотря на то, холодъ съ каждымъ днемъ все возрасталъ, и наконецъ достигъ довольно значительной степени, такъ что вода замерзала даже въ нашихъ юртахъ. За границею Монголіи было совсѣмъ другое; въ Октябрѣ мѣсяцѣ тамъ еще дышало нашимъ самымъ теплымъ и благораствореннымъ лѣтомъ; на поляхъ было время жатвы; горы покрыты были кустарниками съ самою свѣжею зеленью, съ цвѣтами или ягодами, а въ степи уже давно и самая трава начала блекнуть.

Въ Калчанѣ, который стоитъ не болѣе двадцати верстъ отъ монгольской границы и у самой великой стѣны, мы нашли такое множество плодовъ, какого намъ не удавалось видѣть во всю жизнь. Виноградъ самый лучшій, зеленый и красный, персики, груши, сливы, арбузы, яблоки, абрикосы, — все самое лучшее изъ плодовъ, — все къ нашимъ услугамъ. И какъ все дешево! Пудъ самаго лучшаго винограду стоитъ 1200 малыхъ чеховъ, а это составить на наши деньги 150 копѣекъ съ небольшимъ. Понятно, что, послѣ монгольскаго двухмѣсячнаго поста, мы, при такой удобной оказіи, порядочно поѣли плодовъ. Бывало, ѣдешь по Монголіи, и въ продолженіи цѣлой станціи не увидишь ни одной живой души: здѣсь, напротивъ, не проѣдешь двухъ верстъ, чтобы не встрѣтить какаго нибудь селенія, а часто и города. Нельзя себѣ представить, гдѣ живутъ люди. Въ самыхъ скалахъ высѣчены дома и, какъ гнѣзда, лѣнятся одинъ надъ другимъ; не встрѣтите ни одного куска земли, который бы не былъ воздѣланъ, — и вы невольно дивитесь и ужасному народонаселенію, и безпримѣрному трудолюбію китайцевъ. Въ Калчанѣ, самомъ пограничномъ торговомъ городѣ, мы прожили дней шесть, потому что здѣсь должны были нанять извозчиковъ для дальнѣйшаго пути; по эти шесть дней пролетѣли у насъ, какъ шесть часовъ. Пекинъ такъ не занялъ насъ, какъ этотъ шумный, въ чемъ не превзойдетъ его и наша матушка Москва, и чистый городъ въ сравненіи съ здѣшнею столицею. Въ первый разъ мы вступили въ собственно азіатскій городъ и пристально взглянули на жизнь, которая такъ рѣзко отличается отъ нашей европейской, и въ первый разъ мы вполнѣ наслаждались дарами щедрой восточной природы. Но не смотря на то, что Калчанъ былъ, такъ сказать, для насъ мѣстомъ пира и отдохновенія, мы безъ сожалѣнія разстались съ нимъ. На мулахъ, ослахъ, въ повозкахъ мы наконецъ выступили въ путь и странствовали еще дней девять.

4-го Октября мы всѣ, въ 9-мъ часу утра подъѣхали къ Цинхэ (деревнѣ, отстоящей отъ Пекина въ 13 верстахъ), гдѣ насъ ожидали русскіе, — тѣ, которыхъ мы пріѣхали смѣнить и которые ждали насъ, какъ искупителей. Сильно забился сердце при встрѣчѣ съ земляками, которые десять лѣтъ не видали ни одного русскаго лица, не слыхали

роднаго слова; слезы полились изъ глазъ при видѣ своихъ русскихъ, такъ преобразившихся, что если бы они не заговорили нашимъ роднымъ языкомъ, то мы проѣхали бы мимо ихъ и никому въ голову не пришло бы, что мы видѣли своихъ земляковъ. Горько видѣть измѣненіе, искаженіе своего роднаго, отечественнаго, даже и во вѣншемъ; горько видѣть русскаго въ китайскомъ платьѣ съ китайскими глупыми манерами, и между тѣмъ должно покориться необходимости. Въ лицѣ встрѣтившихъ насъ миссіонеровъ мы видѣли себя черезъ десять лѣтъ,—мы переносили себя на ихъ мѣсто и слѣдствіемъ всего этого были—слезы. Горячо обняли братьевъ своихъ, и вѣрно,—никто въ Россіи не встрѣтитъ ихъ съ такимъ чувствомъ. Какая странная судьба! Людой, хотя и земляковъ, но совершенно незнакомыхъ между собой, никогда не думавшихъ другъ о другѣ, свела подъ чужимъ, негостепріимнымъ небомъ и въ одну минуту такъ связала ихъ, какъ самыхъ близкихъ, какъ братьевъ!—Пробывши нѣсколько времени въ Цинхэ, мы поспѣшили въ Пекинъ, гдѣ насъ ожидали остальные члены миссіи. Я не буду вамъ писать о нашемъ парадномъ вѣздѣ въ столицу,—это мелочь, не стоящая особеннаго вниманія. Едва мы пріѣхали въ свое подворье и обняли встрѣтившихъ насъ, какъ въ тоже время пошли въ храмъ Божій, слышали торжественные звуки нашего церковнаго пѣнія: то, вѣрите-ли, слезы брызнули ручьями, и всѣ, начиная съ насъ самихъ, какъ главныхъ лицъ въ этой трогательной драмѣ, до самаго послѣдняго казака, провожавшаго насъ,— всѣ плакали навзрыдъ! Ахъ! услышать свою родную пѣснь религіи, единственнаго утѣшенія въ настоящей жизни,— услышать пѣснь Сіонскую въ землѣ чужой и не плакать— не возможно! Не возможно описать, сколько чувствъ самыхъ разнообразныхъ и вмѣстѣ самыхъ живыхъ и сильныхъ въ одно мгновеніе волновало насъ! Увидѣть церковь въ городѣ, наполненномъ язычества;—одинокую, какъ ковчегъ, въ этомъ общемъ потопѣ растлѣнія;—и горсть людей, малочисленную, какъ Ноево семейство,—брошенныхъ въ это море гибели и зла и прибѣгающихъ подъ кровъ своей Матери, какъ единственной спасительницы,—видѣть все это и—не сѣтовать, не трогаться,—это выше силъ чело- вѣка! Болѣе двухъ мѣсяцевъ мы не видали русскаго храма;

слышали только пѣніе Ламъ, которое наводитъ одно уныніе на сердце и которое съ перваго же разу вамъ представляется не голосомъ младенческой хвалы или мольбы къ своему Богу, но воплемъ отчаянія и ужаса. Я теперь понимаю и растолкую эту слезную пѣснь Іудеевъ: „На рѣкахъ Вавилонскихъ!!...“ и растолкую такъ, какъ не многіе въ состояніи объяснить ее. Какъ въ древней Христіанской Церкви мученики, при полученіи страдальческаго вѣнца, обнимали другъ-друга и, укрѣпивши такимъ образомъ себя, вступали на поприще страданій: такъ и мы, по окончаніи молебствія, вступающіе на новое, не безбѣдное поприще, съ слезами бросились другъ къ другу и — крѣпко крѣпко обнялись. Это было объятіе и слезы людей, твердо рѣшившихся, дружно, — братски, до дна испить горькую чашу. Со слезами вступили въ домъ Божій, со слезами и вышли изъ него. Да будетъ же съ нами по словамъ одного изъ великихъ страдальцевъ земныхъ: „Съющій слезами съ радостію пожнуть“. Наша нива дѣйствительно засѣвается со слезами!

Такъ кончилось мое странствованіе. Пропутешествовавши болѣе двухъ мѣсяцевъ то въ повозкѣ, то верхомъ — на лошади, на мулѣ, на верблюдѣ, на ослѣ; перепивши воду всѣхъ сортовъ — прѣсную, горькую, соленую, гнилую; перепробовавши всѣ возможные роды молока — коровье, кобылье, верблюжье, овечье; насытившись по горамъ, утесамъ, долинамъ, пескамъ, по степи; налюбовавшись степными ураганами, блескомъ молніи; наслушавшись вдоволь горной громовой музыки; подвергшись вліянію дождя, снѣга, града; нагулявшись въ самыхъ облакахъ; узнавши всѣ выгоды кочевой и осѣдлой жизни, монгольской юрты и китайскаго дзя(дома); постигши гастрономію Монгольскую и Китайскую; наѣвшись, если не грязи, какъ говорятъ персіяне, то, по крайней мѣрѣ, не хуже того, — морскихъ червей, — каракатицъ, древесныхъ губъ, драконовыхъ глазъ (плодъ довольно вкусный); испытавши горе и радость, холодъ, жажду и пресыщеніе; однимъ словомъ, — набравшись всѣхъ возможныхъ самыхъ живыхъ и сильныхъ впечатлѣній: — наконецъ я добрался до пресловутаго Пекина; существую подъ однимъ небомъ съ сыномъ неба; дышу однимъ и тѣмъ-же съ нимъ воздухомъ; живу отъ него не далѣе полуторы версты:

и наконецъ изъ кочевой жизни совершенно перешелъ въ осѣдлую или сидячую. Болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я нахожусь въ великомъ срединномъ государствѣ, и болѣе двухъ, какъ считаюсь жителемъ великолѣпной, или волючей столицы. Дорога, не смотря на свою продолжительность, иногда и трудность, не имѣла никакого вреднаго вліянія; напротивъ еще, постоянное движеніе и свѣжій, здоровый степной воздухъ укрѣпили меня, и я порядочно возмужалъ какъ въ фізіономіи, такъ и въ корпусѣ. Однимъ словомъ я живъ и здоровъ, а впродъ на Бога уповаю. Начинаю помаленьку знакомиться съ Китаемъ, съ здѣшнимъ языкомъ и обыкновеніями, которые довольно противоположны нашимъ и требуютъ изученія. Мало по малу принимаю на себя форму китайца и отстаю отъ русской, хотя и противъ воли. Не прошло и пяти дней по приѣздѣ нашемъ сюда, какъ намъ уже нужно было отказаться отъ своего роднаго костюма. Что дѣлать? Съ волками жить, надобно и по-волчьи выть. Бьюсь объ закладъ, что если-бы я предсталъ предъ васъ въ теперешнемъ моемъ одѣяніи, то вы, развѣ только по глазамъ, узнали бы во мнѣ европейца, а не азіатца. Какъ ни противно было мнѣ, но долженъ былъ покориться необходимости, именно-позволить обрить себѣ лобъ и затылокъ и отпустить косу; за то въ утѣшеніе себѣ отпустилъ черные, довольно порядочные усы, хотя по китайскимъ десяти тысячамъ церемоній и не позволено растить усы ранѣе 30 лѣтъ. Какло было мнѣ разстаться съ своими волосами и такъ пошло искажать свой ликъ. Въ отраду себѣ я сохранилъ обритые волосы, какъ памятникъ Русской жизни... Хожу я въ длинномъ пао-цзы,—кафтаиѣ, и кандзярѣ (родъ душегрѣйки); впрочемъ объ этихъ пустякахъ—въ другое время; надосугѣ опишу вамъ весь свой костюмъ.....

Въ заключеніе письма, которое уже и такъ довольно велико, сообщу вамъ еще новость. Меня уже зовутъ теперь не В. В. Г., а *Го-ду-финъ*. *Го*—моя фамилія; она значить *кипарисъ*. У насъ въ Китаѣ, не знаю, какъ у васъ въ Европѣ, кипарисъ считается 1) символомъ воспоминаній о прежнихъ радостяхъ, о быломъ счастьи; потому его сажаютъ на всѣхъ могилахъ богатыхъ людей, какъ знакъ скорби и вмѣстѣ воспоминаній о прежней ихъ жизни, о

счастіи тѣхъ, которые пользовались ихъ благодѣаніями; во 2-хъ, символомъ вѣчности, по своимъ вѣчно зеленымъ листьямъ. Итакъ кипарисъ символъ скорби о прошедшемъ и надежды въ будущемъ! *ду* значить *одинокій, сирота*; *фанъ* значить *цвѣсти*, вообще то состояніе юности въ деревѣ, или растеніи, когда оно находится, какъ выражаются ботаники, *in florescentia*. Фанъ означаетъ еще благоуханіе, но самое нѣжное, едва слышимое, разсѣваемое въ пустынѣ. Итакъ полное значеніе будетъ: одивоко въ пустыпѣ цвѣтущій и благоухающій кипарисъ, но такъ, что никѣмъ не замѣчаемъ! Хороша-ли, прилична-ли моя фамилія, и имя—судите сами! Я могу только выбрать фамилію; имя мнѣ даютъ уже другіе, и притомъ оно есть пѣчто высокое и дорогое для каждаго; никто не можетъ произнести чужаго имени безъ нарушенія всѣхъ правилъ приличія и десяти тысячъ церемоній. Я только могу называть себя по имени другіе же говорятъ одну фамилію.
